Александр Мазырин

Советское обновленчество: церковный феномен или инструмент госбезопасности?

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-226-248

Alexander Mazyrin

Soviet Renovationism: A Church Phenomenon or an Instrument of Secret Services?

Alexander Mazyrin — Saint-Tikhon Orthodox University of Humanities (Moscow, Russia). am@pstbi.ru

The article deals with the so-called Renovationist schism in the Russian Orthodox Church in the 1920–1940s. The nature of Renovationism is not obvious, which led to the emergence of different historiographical concepts. This phenomenon is explored here on the basis of a wide range of sources, both open (as the press of the 1920s) and previously classified documents (primarily from secret services and the highest Soviet authorities). The real nature of the interaction between the "Living Church" and the GPU in the 1920s and in subsequent years is analyzed. It is shown the Soviet Renovationists fought against the so-called "Church counterrevolution" (in fact, informing the secret services). Church reforms announced by the leaders of the Renovationists were finally reduced to the non-canonical admission of the married episcopate and the remarriage of clergy. The desire to accommodate to the Soviet regime was clearly prevailing over any religious content. Overall, the Renovationist schism was a negative result of the process of secularization that affected the Church environment, aggravated by the realities of cruel political repressions and social transformations.

Keywords: Russian Orthodox Church, Revolution, Church Bolshevism, Renovationism, "Living Church", opportunism, VChK-GPU-OGPU.

Публикация подготовлена в рамках проекта «Высшее управление в Русской православной церкви в 1920–1930-е годы: проблемы канонического и практического преемства» при поддержке Фонда развития ПСТГУ.

Мазырин А. Советское обновленчество: церковный феномен или инструмент госбезопасности? // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1-2. С. 226–248.

Mazyrin, Alexander (2019) "Soviet Renovationism: A Church Phenomenon or an Instrument of Secret Services?", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 37(1-2): 226–248.

Советское обновленчество — или по другому, хотя и имеющему обличительные коннотации, но устоявшемуся в историографии наименованию, «обновленческий раскол» — явление, оказавшее сильное воздействие на жизнь Русской церкви в 1920-е–1940-е гг. Вопрос о его природе остается дискуссионным. На первый взгляд, ответ на него дает сам термин «обновленчество», указывающий на стремление *обновить* церковь в соответствии с меняющимися жизненными реалиями. Мощное социально-политическое движение в России, обернувшееся революцией, не могло обойти стороной и Русскую церковь. В этом движении, отражавшемся и на церковной жизни, участвовали самые разные общественные силы, преследующие различные цели. Соответственно, обновление церкви виделось им далеко не в едином ключе, и в понятие «обновленчество» вкладывался разный смысл. Во что на практике вылилось советское обновленчество? Осталось ли оно по преимуществу внутрицерковным феноменом или превратилось в инструмент политической борьбы в руках государства?

Идеологи советского обновленчества свою генеалогию выводили из прогрессивного церковного движения начала XX в., выступившего «против синодального режима» и поддержанного тогда первенствующим митрополитом Санкт-Петербургским Антонием (Вадковским)[1]. Эта концепция была в основном, хотя и с оговорками, воспринята советскими религиоведами[2], а также некоторыми церковными историками[3]. Ее приверженцы встречаются и среди современных исследователей[4]. Однако многочисленные ранее засекреченные документы, введенные в научный оборот с начала 1990-х гг., побудили всерьез пересмотреть указанную трактовку. Так, по мнению А.Г. Кравецкого, «церковная полемика начала века завершилась Поместным Собором 1917–1918 гг.

1. См., напр.: *Белков Е., свящ.* Предвестники живой церкви // Живая Церковь. 1922. 23 мая. № 2. С. 10.
2. См., напр.: *Шишкин А.А.* Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской православной церкви. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1970. С. 128; *Гордиенко Н.С.* Православие в советском обществе. Основные этапы эволюции // Русское православие: вехи истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989. С. 619.
3. См., напр.: *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви. Книга девятая: 1917–1997. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. С. 9.
4. См.: *Головушкин Д.* Феномен обновленчества в русском православии первой половины XX века. СПб.: Политехника-сервис, 2009.

Именно Собор, а не маргинальные церковные группы 20-х годов следует считать прямым наследником этих дискуссий»[5].

Приход к власти в России антирелигиозно настроенного правительства осенью 1917 г. закономерно вызвал настороженное отношение в церковных кругах. Однако свои революционеры нашлись и в Русской церкви, тем более что за недолгий, но бурный период правления Временного правительства уже накопился определенный «церковно-революционный» опыт. Отдельные представители духовенства были готовы к сотрудничеству с советскими органами, причем не только в роли писарей и иных вспомогательных работников. Так, спустя лишь месяц после октябрьского переворота в Совнарком обратился петроградский священник Михаил Галкин с собственным радикальным проектом отделения церкви от государства (согласно этому проекту, например, духовенству рекомендовалось «свои рясы носить лишь в храмах», а во всех остальных случаях «появляться в общегражданском платье»[6]). Священник-революционер писал народным комиссарам:

> Я живу с тяжелым камнем полного неверия в политику официальной церкви. Меня тянет к живой работе. Хочется строить, бороться, страдать, торжествовать, а в своей рясе [я] живой мертвец. И если вы снимете с моей души эту безмерную тяжесть, снимите, как можно скорее, — я буду вам безгранично благодарен[7].

Галкин предлагал организовать комиссариат по делам культов и недвусмысленно намекал, что желал бы встать во главе этого органа. Его предложение было оперативно рассмотрено на заседании СНК под председательством В.И. Ленина и принято вполне благосклонно. Комиссаром, правда, его не назначили, но к активной антирелигиозной работе привлекли. Священный сан он после этого с себя, разумеется, снял.

Среди духовенства появились и те, кто, не переходя на светскую работу, стал искать поддержки у новой власти в вопросах

5. *Кравецкий А.Г.* К предыстории обновленческой смуты (Записка прот. В.Д. Красницкого «О направлении политики советской власти в отношении Православной Церкви») // Ученые записки РПУ. Вып. 6: Церковная история XX века и обновленческая смута. М.: Индрик, 2000. С. 51.

6. Цит. по: Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в Советской России. Октябрь 1917–1918 г.: Сборник документов / Отв. ред. прот. В. Воробьев, отв. сост. Л.Б. Милякова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. С. 96.

7. Там же. С. 89.

внутрицерковных. В апреле 1918 г. Поместный собор был вынужден принять определение «О мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни» (рабочее наименование — «О церковном большевизме»), в котором шла речь о «некоторых епископах, клириках, монашествующих и мирянах, не покоряющихся и противящихся церковной власти и обращающихся в делах церковных к враждебному Церкви гражданскому начальству». Собор предусмотрел для таких «церковных большевиков» наказания вплоть до отлучения от церкви[8]. Однако остановить распространение «церковного большевизма» соборное определение не смогло.

В июле 1919 г. в Отдел юстиции Петрограда с развернутой запиской обратился местный священник Владимир Красницкий (будущий лидер обновленческой «Живой Церкви»). Он считал неправильным, что «Советская власть, осуществляя принцип отделения церкви от государства, всемерно избегает вмешиваться во внутреннюю жизнь церковных учреждений», и заявлял, что «обстоятельства нынешнего времени должны заставить Советскую власть изменить свое отношение к церковным организациям»:

> Советская власть, несущая ответственность за социальную революцию пред всем эксплуатируемым человечеством, должна найти средства лишить контрреволюцию возможности прикрывать свои намерения религиозными лозунгами. Она должна найти в среде верующих те элементы, которые бы послужили делу социальной революции[9].

Себя, как нетрудно догадаться, Красницкий и представлял в качестве «элемента», готового «послужить революции», но при этом, в отличие от Галкина, от священного сана отказываться он не собирался.

Особый интерес к просоветски настроенному духовенству проявляли чекисты. В циркуляре ВЧК № 1 от 1 июля 1919 г. как позитивный факт отмечалось сильное политическое расслоение среди священнослужителей, вплоть до появления групп, сочувствую-

8. См.: Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М.: Новоспасский монастырь, 1994. Вып. 3. С. 58–60.

9. *Кравецкий А.Г.* К предыстории обновленческой смуты. С. 65–66.

щих большевизму. В связи с этим губернским чрезвычайным комиссиям давалась директива:

> Ввиду близости духовенства к народу и исторической коренной связи с ним, необходимо всеми мерами способствовать привлечению сочувствующих большевизму священнослужителей (священников и дьяконов) к совместной работе с советскими властями на местах, образуя, по возможности, губернские и уездные ячейки сочувствующих большевизму духовных лиц, но совершенно исключая монашествующих всех родов, которые должны находиться под усиленным наблюдением[10].

В декабре 1919 г. заместитель председателя ВЧК М.И. Лацис уже со страниц «Известий ВЦИК» заявил о небезразличии советского государства к тому, «что творится в церкви и каким путем она идет», и о необходимости «поддерживать в духовенстве то течение, которое следует за духом времени и идет на поддержку советской власти»[11]. Органам ВЧК нужен был свой осведомительный аппарат в церковных кругах, и публикация Лациса в «Известиях» была своего рода приглашением конформистам из духовенства к сотрудничеству.

Окончательно ставка на раскол церкви, как известно, была сделана большевистским руководством весной 1922 г. в ходе проводимой тогда кампании по изъятию церковных ценностей. Л.Д. Троцкий предложил Политбюро использовать «сменовеховское» (склонное к сближению с советской властью) духовенство, чтобы «повалить контрреволюционную часть церковников, в руках коих фактическое управление церковью». По его мнению, следовало заставить «сменовеховских попов» довести «кампанию внутри церкви до полного организационного разрыва с черносотенной иерархией, до собственного нового собора и новых выборов иерархии»[12]. В дальнейшем, по замыслу Троцкого, после разгрома «церковных черносотенцев» должен был последовать удар уже по самим «сменовеховцам». Политбюро одобрило этот ци-

10. Цит. по: *Крапивин М.Ю.* Всеволод Путята в контексте религиозной политики органов ВЧК // Вестник церковной истории. 2013. № 1/2 (29/30). С. 275.

11. *Лацис М.И.* Государство и церковь // Известия ВЦИК. 1919. 2 дек.

12. Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг. В 2 кн. / Подгот. изд. Н.Н. Покровского и С.Г. Петрова. Новосибирск; М.: Сибирский хронограф; РОССПЭН, 1997–1998. Кн. 1. С. 162–163.

ничный план и предписало губкомам и губисполкомам на местах поддержать лояльное духовенство[13].

Ведущая роль в организации раскола отводилась пришедшим на смену ВЧК органам ГПУ, которые заметно активизировали свою вербовочную деятельность в церковных кругах. Как позднее отчитывался начальник профильного (6-го) отделения Секретного отдела ГПУ Е.А. Тучков, до 1922 г. со стороны органов «внимание на церковь обращалось исключительно с информационной целью». Новые партийные планы потребовали «создать такую осведомительную сеть, которую можно было бы использовать не только в вышеупомянутых целях, но и руководить через нее всей церковью, что... и было достигнуто»[14]. Можно проиллюстрировать то, как насаждался обновленческий раскол, выдержкой из секретного циркуляра ЦК Компартии Украины своим местным губкомам, разосланного летом 1922 г.:

> Собрания и съезды разрешать беспрепятственно только обновленческому духовенству и только обновленческим мирянам. Сторонникам патриарха Тихона не разрешать ни собраний, ни съездов. Арестовывать и предавать суду. Необходимо сбросить со всех командных постов всех сторонников Тихона, противников обновленческого движения[15].

По преимуществу для раскола использовалось белое (женатое) духовенство. Как замечал Троцкий, «нет более бешеного ругателя, как оппозиционный поп»[16]. Еще раньше, в декабре 1920 г., начальник Секретного отдела ВЧК Т.П. Самсонов в докладе, направленном В.И. Ленину, писал, что разложить церковь можно, лишь опираясь на «низшее молодое белое духовенство», а не на «старых церковных волков», под которыми он имел в виду архиереев[17]. На начальном этапе развития раскола, когда тон в нем задавала возглавляемая Красницким группа «Живая Церковь», мотив сословной борьбы за права белого духовенства звучал весьма от-

13. Там же. С. 165.

14. Там же. Кн. 2. С. 395–396.

15. Цит. по: *Тригуб О.* Розгром Української церковної опозиції в Російській православній церкві (1922–1939 рр.). Миколаїв: Іліон, 2009. С. 271.

16. Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. Кн. 1. С. 163.

17. См.: *Сафонов Д., свящ.* Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, и его время. М.: Покров, 2013. С. 61.

четливо. Устав этой группы, не считаясь с канонами Православной церкви, требовал для женатых священников:

> а) права на занятие епископских кафедр;
> б) права участвовать в решении дел Высшего церковного управления и Епархиальных управлений вместе с епископами;
> в) права распоряжения церковными суммами, объединенными в единую церковную епархиальную кассу[18].

Однако неверно видеть в обновленческом расколе лишь бунт белого духовенства против черного. И среди монахов-епископов нашлось немалое число «церковных большевиков». Первым в ряду таковых, за несколько лет до возникновения «Живой Церкви», оказался бывший архиепископ Пензенский Владимир (Путята), еще в апреле 1918 г. лишенный собором епископов сана за раскольническую деятельность[19]. С момента организационного оформления раскола во всероссийском масштабе — с 1922-го по 1941 г., то есть почти двадцать лет — его возглавляли архиереи-монахи старого (не обновленческого) поставления: Антонин (Грановский), Евдоким (Мещерский), Вениамин (Муратовский), Виталий (Введенский). Только под самый занавес, с 1941-го по 1946 г., первым лицом в обновленчестве официально стал женатый (и не раз) Александр Введенский, предписавший поминать себя как «Святейшего и Блаженнейшего Первоиерарха… Патриарха Московского и православных церквей Богохранимой страны нашей»[20]. Антимонашеская «Живая Церковь» уже летом 1923 г. утратила свое былое значение в расколе. Можно предположить, что в процентном отношении епископов в обновленчество уклонилось не меньше, чем рядовых клириков, тем более что среди последних многие оказались в расколе, просто послушно следуя за своими правящими архиереями[21]. Критерием «профпригодно-

18. Устав группы православного белого духовенства «Живая Церковь» // Живая Церковь. 1922. 1–15 июля. № 4–5. С. 18–19.

19. Подробнее о нем и его взаимодействии с органами ВЧК см.: *Крапивин М.Ю.* Всеволод Путята в контексте религиозной политики органов ВЧК // Вестник церковной истории. 2013. № 1/2 (29/30). С. 247–311; № 3/4 (31/32). С. 287–340.

20. См.: *Кузнецов А.И.* Обновленческий раскол в Русской Церкви // «Обновленческий» раскол: Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики. М.: О-во любителей церковной истории; Крутицкое Патриаршее подворье, 2002. С. 557.

21. Современный исследователь раскола насчитал 116 обновленческих епископов старого поставления, что для Русской церкви 1920-х гг. весьма немало (см.: *Лаври-*

сти» в советском обновленчестве было не столько церковно-сословное происхождение из белого или из черного духовенства, сколько готовность служить интересам коммунистической власти.

Руководители обновленцев пытались прикрыть свое выполнение политического заказа большевиков возвышенными словами. Так, например, протоиерей Александр Введенский (будущий «Святейший и Блаженнейший Первоиерарх») заявлял в конце мая 1922 г.:

> Мы не новаторы... Мы повторяем старое, но основательно забытое. Мы понимаем неправду капитализма. Мы хотим не раскол произвести, а оформить тот сдвиг религиозного сознания, ту смену настроений, которая сама о себе кричит. Правда Христова там, где отстаивается экономическая справедливость. Поэтому — гневное слово осуждения тем, кто делает церковь игрушкой политических страстей. Единственная политика церкви — это политика *любви*[22].

В унисон с А. Введенским выступал и В. Красницкий:

> К церковному управлению должны подойти новые люди и найти в себе достаточно христианского самопожертвования, христианского незлобия и прощения, чтобы протянуть руку русской Революции[23].

На практике «любовь» по-обновленчески и «христианское незлобие новых людей» проявлялись довольно специфично, главным образом в сотрудничестве с органами ГПУ, у которых на «живоцерковников» были свои виды. В секретной инструкции губернским отделам ГПУ сообщалось:

> а) Не подлежит сомнению, что духовенство и близкие к ним лица великолепно осведомлены о деятельности своих коллег и начальства, а потому, действуя через организацию «Живая Церковь», легко удастся достать необходимый материал и документальные данные о контрреволюционной работе реакционного духовенства.

нов В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М.: О-во любителей церковной истории, 2016. С. 34).

22. Сущность «Живой Церкви» (К диспуту в Московской консерватории) // Живая Церковь. 1922. 1–15 июля. № 4–5. С. 17.

23. *Красницкий В., свящ.* Православная Церковь и Советская Россия // Живая Церковь. 1922. Май. № 1. С. 3.

> б) Ввиду того, что для поступления в действительные члены группы «Живая Церковь» необходимо заранее пробыть некоторое время кандидатом... от кандидатов необходимо ультимативно требовать сведения и материалы об активных контрреволюционерах из духовенства...
>
> в) Добытые материалы должны широко использоваться для постановки гласных процессов, имеющих целью дискредитировать духовенство в глазах масс и, с другой стороны, — физически уничтожить и изолировать черносотенные элементы[24].

Так приверженность «экономической справедливости», о которой заявлял Введенский, и «протягивание руки русской Революции», к чему призывал Красницкий, оборачивались необходимостью помочь «физически уничтожить и изолировать черносотенные элементы». При этом, как видно из приведенной инструкции ГПУ, власть не была склонна беречь церковную репутацию своих обновленческих агентов. Бороться с «церковной контрреволюцией» они должны были гласно и напоказ. В уставе «Живой Церкви» как средство «совершенного освобождения церкви от политики» прямо была прописана «борьба с контрреволюционными элементами в церкви»[25]. Или еще более выразительно: «ликвидация контрреволюционных элементов в церкви, независимо от того, под каким флагом бы они не выступали»[26].

На ведущие позиции в расколе выдвигались люди, готовые выступать в роли подобного рода «ликвидаторов». Можно проиллюстрировать это выдержкой из написанного в феврале 1923 г. донесения начальнику 6-го отделения СО ГПУ Е.А. Тучкову члена так называемого Высшего церковного управления (ВЦУ), одного из главных украинских обновленцев, священника Бориса Дикарева:

> Во всем обновленческом движении меня теперь интересует лишь одна его сторона — общественно-политическая. Борьба. Мягкость моего характера я теперь изжил, и линию на сокрушение всей цер-

24. «Требование заполнения анкеты сексота необязательно». Инструкция ГПУ Украины по организации групп «Живой Церкви» / Вступ. ст., публ. и примеч. свящ. А. Мазырина // Вестник ПСТГУ. II. 2011. Вып. 5 (42). С. 111–123.

25. Устав группы православного белого духовенства «Живая Церковь» // Живая Церковь. 1922. 1–15 сент. № 8–9. С. 20.

26. Устав группы Киевского православного белого духовенства «Живая Церковь» // Живая Церковь (Киев). 1922. 1 дек. № 1. С. 3.

> ковной черной сотни веду беспощадную. Хоть этим возмещу то, что вместо положительной активной деятельности в Сов[етских] рядах — ушел в церковное стоячее болото[27].

Нетрудно заметить сходство в настроениях обновленца Дикарева и ренегата Галкина, писавшего большевикам, что его «тянет к живой работе». При этом политическую идейность «борцов с церковной черной сотней» не стоит преувеличивать. За революционной риторикой мог крыться банальный меркантильный расчет, и случай Дикарева — тому пример. Инспекция положения дел в украинском обновленчестве со стороны Секретного отдела ОГПУ в начале 1924 г. выявила, что «все денежные средства поглощаются почти Б. Дикаревым, и он распоряжается ими единолично, что вызывает ропот среди духовенства»[28].

В исполнении таких беспринципных деятелей, как Дикарев, обновленчество быстро утрачивало религиозное содержание и вырождалось в удобный для власти политический инструмент. В церковных кругах это понимали и временами ставили на вид. Так, например, управляющий Тверской епархией епископ Старицкий Петр (Зверев) писал в послании к пастве в сентябре 1922 г.: «У этих живоцерковников-обновленцев ничего нет религиозного; они религией лишь прикрываются, они деятели политические, хотя многие из них и сами не понимают сего»[29]. Некоторым православным иерархам даже удавалось обличать коллаборационизм обновленцев, облекая это в форму заявлений о своей лояльности существующей гражданской власти. Так, митрополит Казанский Кирилл (Смирнов) в июле 1922 г. заявил на собрании епархиального актива: «Для меня треб[ование] ВЦУ как гражд[анского] учр[еждения] — обяз[ательно], но [как] церк[овного] — не обяз[ательно], но должна быть контрассигнация правительства. Как церк[овное] же учреждение [ВЦУ] —

27. «Линию на сокрушение всей церковной черной сотни веду беспощадную»: Донесения в ГПУ члена обновленческого ВЦУ «протоиерея» Бориса Дикарева / Публ., вступ. ст. и примеч. свящ. А. Мазырина // Вестник ПСТГУ. II. 2016. Вып. 6 (73). С. 126.

28. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 363.

29. «Я всех люблю и о всех скорблю»: Житие священномученика Петра (Зверева), архиепископа Воронежского. 1876–1929 / Сост. мон. Еликонида (Кушлик). М.: Индрик, 2013. С. 622–623.

нуль»[30]. О том же самом немногим позднее писал, подчеркивая нужные слова, епископ Ковровский Афанасий (Сахаров): «Если советская власть рассматривает ВЦУ как свой орган для надзора за политической благонадежностью церковных деятелей, я признаю его как таковой»[31].

Сами обновленцы поначалу были не прочь получить правительственную «контрассигнацию». В первом номере их печатного органа «Живая Церковь» в мае 1922 г. был даже опубликован проект учреждения *при ВЦИК* «особого Всероссийского Комитета... во главе с главным уполномоченным по делам Православной церкви в сане православного епископа»[32]. Однако большевистское руководство идти навстречу таким пожеланиям не собиралось. Партийная установка, сформулированная в марте 1922 г. Л.Д. Троцким, состояла в том, чтобы «опереться на сменовеховское духовенство, не ангажируясь политически, а тем более принципиально»[33].

Церковные оппоненты обновленцев осознавали, что акцентировать в открытой полемике с раскольниками политическую подоплеку их деятельности небезопасно, поэтому чаще обращали внимание на их очевидную *неканоничность*. Так, высшие иерархи Православной российской церкви — патриарх Тихон (Беллавин), его заместитель митрополит Агафангел (Преображенский), патриарший местоблюститель митрополит Петр (Полянский) — в своих обличительных посланиях 1922–1925 гг. указывали на незаконное, самозваное объявление обновленцами себя высшей церковной властью, обвиняли их в расколе, смуте, мятеже, создании самочинной иерархии, извращении церковных правил, установленных Вселенскими соборами (имелось в виду допущение женатого епископата и второбрачия священников)[34].

30. *Журавский А.В.* Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского в контексте исторических событий и церковных разделений XX века. М.: Сретенский монастырь, 2004. С. 513.

31. *Косик О.В.* Из истории Владимирской епархии (1917–1923 гг.) // Богословский сборник. Вып. 6. М.: Изд-во ПСТБИ, 2000. С. 63.

32. Во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет // Живая Церковь. 1922. Май. № 1. С. 10.

33. Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. Кн. 1. С. 162.

34. См.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во ПСТБИ, 1994. С. 220, 290–291, 316, 418–420.

Прямое обличение обновленцев в том, что за ними стояла большевистская власть, могло стать дополнительным поводом для репрессий. Примечательно в этом плане свидетельство священника Михаила Польского, бежавшего в 1930 г. из СССР и впоследствии ставшего видным деятелем Русской православной церкви за границей (РПЦЗ). В 1923 г. он, тогда еще молодой московский иерей, был арестован и, помимо прочего, обвинен в том, что «будто бы говорил, что Чека поддерживает обновленцев». На это он возразил, что такого не говорил, а, «наоборот, другое бы мог сказать: что обновленцы помогают Чека». Следователь был возмущен таким ответом и добавил к обвинению еще одну статью, «преследующую "распространение ложных слухов против советской власти" с целью ее дискредитирования»[35]. В действительности, помощь обновленцев чекистам и чекистов обновленцам была на начальном этапе развития раскола взаимной, хотя и неравноценной. Но провозглашать это вслух было нельзя под угрозой применения Уголовного кодекса.

В апреле 1924 г., докладывая начальству, Е.А. Тучков с большим знанием дела сообщал об обновленцах, что «их излюбленным приемом был донос»[36]. Доносы на «тихоновцев» писались обновленцами и индивидуально, и от имени их руководящих органов. Так, в октябре 1924 г. обновленческий синод обратился к председателям ЦИК М.И. Калинину и Совнаркома А.И. Рыкову с жалобой на то, что «тихоновщина» обновленцев «бьет политически», проповедуя «преимущество царизма пред Советской Властью». Содержавшаяся в письме синода просьба весьма характерна:

> С политической пропагандой тихоновцев нам бороться трудно... Здесь одна лишь государственная власть может с корнем вырвать политическую заразу. Мы уверены, что при ликвидации тихоновской головки постепенно места успокоятся... Бывший патриарх ТИХОН, как виновник церковной разрухи и зачинатель государственной смуты, должен был бы оставить пределы Москвы... Лишение ТИХОНА возможности управлять базирующейся на нем контрреволюцией внесло бы мир в Церковь и предотвратило бы

35. *[Польский] Михаил, свящ.* Положение Церкви в советской России: Очерк бежавшего из России священника. Иерусалим, 1931. С. 11.

36. Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. Кн. 2. С. 418.

> возможность целого ряда сейчас не исключенных эксцессов государственного порядка против власти рабочих и крестьян[37].

В отдельных случаях доносы на видных «тихоновцев» превращались в форменные театральные постановки. Так, центральным событием на обновленческом соборе, проведенном в октябре 1925 г., стал доклад «митрополита-благовестника» Александра Введенского «О современном положении православия», из которого следовало, что руководство русскими заграничными монархистами тайно осуществлялось из Москвы патриархом Тихоном и его наместником митрополитом Крутицким Петром. «Оказывается, — с пафосом восклицал Введенский, — что тихоновский корабль плавает в международных водах, и трудно сказать, где главный капитан: за рубежом или “на Крутицах”»[38]. Провокация Введенского не осталась без последствий. В ноябре того же года Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) постановила начать против патриаршего местоблюстителя (патриарх Тихон к тому моменту уже скончался) кампанию в советской печати, «воспользовавшись для этого материалами недавно закончившегося обновленческого собора», и одновременно «поручить ОГПУ начать против Петра следствие»[39]. Спустя месяц митрополит Петр был арестован и более на свободу не вышел вплоть до своего расстрела в 1937 г.

В составленном в июне 1926 г. обращении к правительству СССР «тихоновских» иерархов, заключенных в Соловецком лагере особого назначения, прямо указывалось, что «большая часть православных епископов и священнослужителей, находящихся в тюрьме или в ссылке, подверглись этой участи за их успешную борьбу с обновленческим расколом»[40]. Иными словами, именно обновленцы поспособствовали репрессиям против них.

Позднее, в январе 1944 г., в уже существенно изменившейся исторической обстановке один из последних руководителей

37. Там же. С. 434–435.

38. О современном положении православия (Доклад митрополита Александра Введенского) // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 6 (2). С. 10.

39. Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)-ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / Сост. В.В. Лобанов. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. С. 170.

40. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943. С. 503.

раскола Василий Кожин, титуловавшийся митрополитом Ставропольским, откровенно говорил местному уполномоченному Совета по делам РПЦ, что «своим 20-летним существованием обновленческая церковь вела работу, сводящуюся в конечном счете к изъятию реакционных элементов тихоновской церкви»[41].

Как видно из этого признания, и далеко не только из него, главным содержанием деятельности обновленцев был поиск «контрреволюционеров» в церкви и «изъятие реакционных элементов» из нее, то есть непрерывное доносительство. Все остальное — разговоры о реформах, об «оживлении» церкви и т. п. — было не более чем прикрытием.

Показательно, что из всего множества анонсированных в 1922 г. реформ (а речь заходила даже о переписывании догматического учения церкви[42]), обновленцы фактически ограничились лишь одной — ослаблением регламентированной канонами брачной дисциплины духовенства. Другие церковные преобразования им оказались не нужны. Востребован был только сервилизм по отношению к враждебной церкви власти.

Обновленцы были единственной церковной группировкой, которой в 1920-е гг. была позволена легальная миссионерская деятельность. Однако, как справедливо заметил исследовавший этот вопрос А.Г. Кравецкий, «их миссионерские предприятия в значительной степени обесценивались тем, что они сражались не только с атеистами и сектантами, но и с Патриаршей Церковью»[43]. Причем последнее направление деятельности явно превалировало над всеми остальными, даже в публичной сфере (не говоря уже про непубличную). Иного бы власть и не допустила. Еще в декабре 1922 г. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) приняла решение установить строжайшую цензуру над обновленческой печатью, причем разрешать ее выход «только в том случае, если журналы будут вести активную борьбу с Тихоновской контрреволюцией»[44].

41. Цит. по: *Катаев А.М.* Духовные школы Русской Православной Церкви в 1943–1949 годах // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 180.

42. См.: Программа церковных реформ, намеченных группой духовенства и мирян «Живая Церковь» // Живая Церковь. 1922. 1 окт. № 10. С. 17.

43. *Кравецкий А.Г.* Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). М.: Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2012. С. 518.

44. Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)-ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). С. 46.

Также весьма показательно то, что, когда склонность к закулисным договоренностям с властью обнаруживалась и у некоторых «тихоновских» иерархов, церковные ревнители и их начинали подозревать в обновленчестве, даже если те подчеркнуто дистанцировались от каких-либо нововведений в церкви. Так, заместитель патриаршего местоблюстителя митрополит Сергий (Страгородский), который в 1927 г. пошел на серьезные политические уступки власти, столкнулся с целым шквалом обвинений в «обновленческом уклоне»[45]. «Какая же разница у нас с обновленцами, если мы “за соввласть”?» — вопрошали митрополита Сергия, что, по его мнению, говорило «только о том, что многие восставали против обновленчества не потому, что это было церковное бесчиние, а больше потому, что оно “признало” соввласть»[46].

Дело, однако, было не в самом по себе признании советской власти (патриарх Тихон ее тоже признал и еще в 1919 г. призвал духовенство подчиняться ее велениям[47]), а в том, какие обязательства для доказательства ей верности при этом брались. Обновленцы выработали здесь вполне определенную модель поведения, опознавая которую к ним затем причисляли тех или иных представителей церкви, может быть, и без достаточных на то оснований.

Конечно, далеко не все священники-конформисты, оказавшиеся в расколе, стремились взаимодействовать с репрессивными органами, равно как и ГПУ-ОГПУ не нуждалось в таком количестве секретных сотрудников. Определяющим могло быть просто желание уцелеть, по возможности найдя для себя какое-то моральное оправдание. Очень выразительно этот движущий мотив охарактеризовал в своем предсмертном письме митрополит Петроградский Вениамин (Казанский), в июле 1922 г. приговоренный (не без содействия обновленцев) к расстрелу:

> Странны рассуждения некоторых, может быть и выдающихся пастырей (разумею Платонова): надо хранить живые силы, т. е. их, и ради этого поступаться всем. Тогда Христос на что? Не Платоно-

45. См., напр.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943. С. 547, 553, 564.

46. Там же. С. 679.

47. Там же. С. 164.

> вы, Чепурины, Вениамины и т. п. спасают Церковь, а Христос. Та точка, на которую пытаются они встать, погибель для Церкви. Это шкурничество[48].

Упомянутый здесь протоиерей Николай Платонов — впоследствии один из ведущих обновленцев, возвысившийся в расколе в 1930-е гг. до звания митрополита Ленинградского. Достиг он этого, как водилось, не без содействия ОГПУ, для которого под псевдонимом «Николаев» писал аналитические записки о методах борьбы с «тихоновцами»[49]. Впрочем, одной аналитикой «Николаев» не ограничивался. Известный историк обновленчества А.Э. Левитин в своих воспоминаниях описал, как он 17-летним юношей приходил к Платонову в «Ленинградское митрополитанское управление» и там имел с ним доверительные беседы, в том числе и на политические темы, а затем через девять месяцев, в 1934 г., был арестован и обнаружил, что содержание их разговоров известно следователю «до мельчайших деталей»[50]. (Это при том, что Левитин тогда уже сам был обновленцем и собирался получить в расколе священный сан.) В конце 1937 г., несмотря на свое сотрудничество с органами госбезопасности, Платонов был арестован, но вскоре освобожден, после чего объявил о разрыве с церковью и начал выдавать многочисленные тексты, разоблачавшие «поповскую контрреволюцию», за что был принят на работу в атеистический Музей истории религии[51]. Так, отмеченное митрополитом Вениамином еще в 1922 г. «шкурничество» Платонова обернулось его полным отступничеством.

Можно, разумеется, определить природу обновленчества и не в таких экспрессивных выражениях, как это сделал священномученик Вениамин. Известный духовный писатель С.И. Фудель, арестованный за выступление против «живоцерковников» в июле 1922 г., осмысляя пережитое, по прошествии нескольких десяти-

48. Цит. по: *Зегжда С.А.* Александро-Невское Братство. [Б. м.]: Новости мира, 2009. С. 21.

49. См., напр.: ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 6. Л. 17–18 об.

50. *Левитин А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1996. С. 624.

51. См.: *Фирсов С.Л.* Апостат. История жизни и деятельности бывшего обновленческого «митрополита» Николая Федоровича Платонова // «Власть и огонь»: Церковь и советское государство. 1918 — нач. 1940-х гг. Очерки истории. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. С. 340–351. Существует легенда, что перед смертью в блокадном Ленинграде весной 1942 г. Платонов принес покаяние (Там же. С. 353–357).

летий писал: «Так или иначе именно в грехе обмирщения Церкви лежит суть живоцерковничества, а не в тех реформах, которыми оно окружало себя, как ореолом»[52]. Ранее, при благожелательной к церкви государственной власти, отмеченное *обмирщение* проявлялось в разного рода социально-экономической активности. Другой видный церковный публицист, старший современник Фуделя М.А. Новоселов, обличая обновленцев в момент наибольшего распространения раскола (конец 1922-го — начало 1923 г.), не без иронии вспоминал в «письме к друзьям», как в дореволюционные годы на одном подмосковном приходе «оживление приходской жизни началось с приобретения приходского племенного бычка», и далее замечал:

> Тогда скромно обновляли малые приходские ячейки, теперь пытаются, по тому же «духовному» принципу, оживить сразу все тело церковное... Тогда «реформа» производилась смирно и скромно нравственными и финансовыми силами прихода, теперь программа обновления человечества производится дерзновенно (чтобы не сказать — дерзко) при посредстве насилий, тюрем, ссылок и крупных субсидий (употребляемых, правда, очень часто на служение Бахусу)[53].

В самом деле, былой социальный активизм обновленцев в условиях осуществляемой революционно-террористическими методами классовой борьбы стремительно мутировал и вырождался в моральное разложение и низкое сикофантство.

Нельзя, конечно, утверждать, что все обновленцы являли картину полной духовно-нравственной деградации. Среди них встречались и те, в чьей искренней религиозности трудно усомниться. Примером может служить известный миссионер и энтузиаст перевода богослужения на русский язык священник Василий Адаменко. Однако такие люди, действительно стремившиеся внутренне обновить церковь, оказывались чужеродными в расколе. Тот же Адаменко, побыв у обновленцев на высоких должностях, в конце концов с ними порвал, принес покаяние митрополиту Сергию (Страгородскому), принял монашество с именем Феофан,

52. *Фудель С.И.* Воспоминания // *Фудель С.И.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. М.: Русский путь, 2001. С. 99.

53. *Новоселов М.А.* Письма к друзьям. М.: Изд-во ПСТБИ, 1994. С. 4–5.

был арестован и расстрелян в 1937 г.[54] Не осведомленный о его смерти митрополит Сергий, став в 1943 г. патриархом, просил правительство о его амнистии[55] (разумеется, безуспешно).

А.Э. Левитин (литературный псевдоним — Краснов), лично знавший многих раскольников, в том числе и весьма именитых, заявлял, что «нет ничего более несправедливого, чем огульно считать всех обновленцев предателями, продавшимися, агентами ГПУ». Он выделял среди них четыре группы:

1. Серые батюшки требоисправители, увидевшие в обновленчестве гарантию от ареста.
2. Прохвосты, присоединившиеся к обновленчеству в погоне за быстрой карьерой.
3. Идейные модернисты.
4. Идеологи обновленчества — блестящие, талантливые, честолюбивые люди, выплывшие на гребне революционной волны[56].

Можно, однако, заметить, что третья из отмеченных категорий была исчезающе мала, а различие между второй и четвертой весьма условно (сам Левитин признавал, что и те и другие в массе своей были связаны с ГПУ). Это еще раз подтверждает вывод, что в обновленческий раскол, за редкими исключениями, ушли либо те, кто работал на ГПУ-ОГПУ, либо те, кто надеялся спастись от репрессий (что в результате удалось далеко не всем).

Конечно, и в «тихоновской» церкви находились те, кто шел на сотрудничество с органами госбезопасности. Таковые были даже в ближайшем окружении патриарха Тихона, например, Серафим (Александров), имевший в церковных кругах выразительное прозвище «Лубянский митрополит»[57]. Можно предположить, что с годами процент «сексотов» и «осведомов» на ответственных постах в Московской патриархии возрастал. Даже упомянутый выше Василий Кожин, которого в 1945 г. принудили принести формальное покаяние, вполне вписался в ее послевоенную

54. См.: *Лавринов В., прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. С. 40.

55. См.: Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов / Сост. О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. М.: Крутицкое подворье; О-во любителей церковной истории, 2009. С. 79.

56. *Краснов-Левитин А.* Лихие годы: 1925–1941: Воспоминания. Париж: YMCA-Press, 1977. С. 118–119.

57. См.: Кифа — Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937) / Отв. ред. прот. В. Воробьев. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. С. 746.

структуру и, сменив имя на Гермоген, «дослужился» до сана митрополита уже в патриаршей церкви.

Однако есть разница между сообществом, в которое инкорпорированы доносчики, пусть даже со временем и многочисленные, и организацией, которая *изначально* создавалась с целью доносительства («ликвидации контрреволюционных элементов в церкви», как гласил ее устав), хотя бы и не все в ней были заняты этим. То, что для «тихоновской» церкви оказывалось печальным побочным следствием многолетнего пребывания в условиях враждебной государственной власти, для обновленческого раскола было исконной сущностной характеристикой, на фоне которой блекло все, что имело в нем вид какой-то идейности.

Библиография / References

Архивные материалы

Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ).

Ф. 2. Фонд секретного делопроизводства (ф. 2).

Фонд архивно-следственных дел (без номера).

Библиография

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М.: Изд-во ПСТБИ, 1994.

Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг. В 2 кн. / Подгот. изд. Н.Н. Покровского и С.Г. Петрова. Новосибирск; М.: Сибирский хронограф; РОССПЭН, 1997–1998.

Головушкин Д. Феномен обновленчества в русском православии первой половины XX века. СПб.: Политехника-сервис, 2009.

Журавский А.В. Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского в контексте исторических событий и церковных разделений XX века. М.: Сретенский монастырь, 2004.

Зегжда С.А. Александро-Невское Братство. [Б. м.]: Новости мира, 2009.

Катаев А.М. Духовные школы Русской Православной Церкви в 1943–1949 годах // Вестник церковной истории. 2006, № 1. С. 176–190.

Кифа — Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937) / Отв. ред. прот. В. Воробьев. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012.

Косик О.В. Из истории Владимирской епархии (1917–1923 гг.) // Богословский сборник. Вып. 6. М.: ПСТБИ, 2000. С. 26–75.

Кравецкий А.Г. К предыстории обновленческой смуты: (Записка прот. В. Д. Красницкого «О направлении политики советской власти в отношении Православной Церкви») // Ученые записки РПУ. Вып. 6: Церковная история XX века и обновленческая смута. М.: Индрик, 2000. С. 51–72.

Кравецкий А.Г. Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). М.: Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2012.

Крапивин М.Ю. Всеволод Путята в контексте религиозной политики органов ВЧК // Вестник церковной истории. 2013. № 1/2 (29/30). С. 247–311; № 3/4 (31/32). С. 287–340.

Краснов-Левитин А. Лихие годы: 1925–1941: Воспоминания. Париж: YMCA-Press, 1977.

Кузнецов А.И. Обновленческий раскол в Русской Церкви // «Обновленческий» раскол: Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики. М.: О-во любителей церковной истории; Крутицкое Патриаршее подворье, 2002. С. 129–605.

Лавринов В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М.: О-во любителей церковной истории, 2016.

Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1996.

«Линию на сокрушение всей церковной черной сотни веду беспощадную»: Донесения в ГПУ члена обновленческого ВЦУ «протоиерея» Бориса Дикарева / Публ., вступ. ст. и примеч. свящ. А. Мазырина // Вестник ПСТГУ. II. 2016. Вып. 6 (73). С. 109–138.

Новоселов М.А. Письма к друзьям. М.: Изд-во ПСТБИ, 1994.

Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в Советской России. Октябрь 1917 — 1918 г.: Сборник документов / Отв. ред. прот. В. Воробьев, отв. сост. Л.Б. Милякова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016.

[Польский] Михаил, свящ. Положение Церкви в советской России: Очерк бежавшего из России священника. Иерусалим, 1931.

Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)-ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / Сост. В.В. Лобанов. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014.

Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов / Сост. О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. М.: Крутицкое подворье; О-во любителей церковной истории, 2009.

Русское православие: вехи истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989.

Сафонов Д., свящ. Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, и его время. М.: Покров, 2013.

Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М.: Новоспасский монастырь, 1994.

«Требование заполнения анкеты сексота необязательно». Инструкция ГПУ Украины по организации групп «Живой Церкви» / Вступ. ст., публ. и примеч. свящ. А. Мазырина // Вестник ПСТГУ. II. 2011. Вып. 5(42). С. 111–123.

Тригуб О. Розгром Української церковної опозиції в Російській православній церкві (1922–1939 рр.). Миколаїв: Іліон, 2009.

Фирсов С.Л. «Власть и огонь»: Церковь и советское государство. 1918 — нач. 1940-х гг. Очерки истории. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014.

Фудель С.И. Воспоминания // *Фудель С. И.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. М.: Русский путь, 2001. С. 10–108.

Цыпин В., прот. История Русской Церкви. Книга девятая: 1917–1997. М.: Изд-во Валаамского монастыря, 1997.

Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской православной церкви. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1970.

«Я всех люблю и о всех скорблю»: Житие священномученика Петра (Зверева), архиепископа Воронежского. 1876–1929 / Сост. мон. Еликонида (Кушлик). М.: Индрик, 2013.

Archival Materials

Tsentral'nyi arkhiv Federal'noi sluzhby bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [Central archive of the Federal security service of the Russian Federation].

F. 2. Fond sekretnogo deloproizvodstva [Fund of the secret paperworks].

Fond arkhivno-sledstvennykh del (bez nomera) [Fund of the archive-investigative cases (no number)].

Literature

Firsov, S. L. (2014) *«Vlast' i ogon'»: Tserkov' i sovetskoe gosudarstvo. 1918 — nach. 1940-kh gg. Ocherki istorii* ["Power and fire": Church and the Soviet state. 1918 — early 1940s. History essays]. M.: PSTGU.

Fudel', S. I. (2001) *Sobranie sochinenii* [The works]. 3 vol. M.: Russkii put'.

Golovushkin, D. (2009) *Fenomen obnovlenchestva v russkom pravoslavii pervoi poloviny XX veka* [The phenomenon of Renovationism in Russian Orthodoxy in the first half of the twentieth century]. SPb.: Politekhnika-servis.

Gubonin, M.E. (1994) *Akty Sviateishego Tikhona, Patriarkha Moskovskogo i vseia Rossii, pozdneishie dokumenty i perepiska o kanonicheskom preemstve vysshei tserkovnoi vlasti, 1917–1943* [Acts of His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and all Russia, later documents and correspondence on the canonical succession of Supreme Church authority, 1917–1943]. M.: PSTBI.

Kataev, A.M. (2006) "Dukhovnye shkoly Russkoi Pravoslavnoi TSerkvi v 1943–1949 godakh" [The Theological schools of the Russian Orthodox Church in the years 1943–1949], *Vestnik tserkovnoi istorii*: 1: 176–190.

Klibanov, A.I. (1989) *Russkoe pravoslavie: vekhi istorii* [Russian Orthodoxy: milestones]. M.: Politizdat.

Kosik, O.V. (2000) Iz istorii Vladimirskoi eparkhii (1917–1923 gg.) [From the history of Vladimir diocese (1917–1923)], *Bogoslovskii sbornik*: 6, 26–75.

Krapivin, M.IU. (2013) "Vsevolod Putiata v kontekste religioznoi politiki organov VCHK" [Vsevolod Putyata in the context of the religious policy of the All-Russian Emergency Commission], *Vestnik tserkovnoi istorii*: 1/2 (29/30), 247–311; 3/4 (31/32), 287–340.

Krasnov-Levitin, A. (1977) *Likhie gody: 1925–1941: Vospominaniia* [The bad years: 1925–1941: Memories]. Paris: YMCA-Press.

Kravetskii, A.G. (2000) "K predystorii obnovlencheskoi smuty: (Zapiska prot. V. D. Krasnitskogo «O napravlenii politiki sovetskoi vlasti v otnoshenii Pravoslavnoi Tserkvi»)" [To the prehistory of the Renovationist schism: (The note of V. D. Krasnitsky "on the direction of Soviet policy towards the Orthodox Church")], *Uchenye zapiski RPU*: 6, 51–72.

Kravetskii, A.G. (2012) *Tserkovnaia missiia v epokhu peremen (mezhdu propoved'iu i dialogom)* [Church mission in an era of change (between preaching and dialogue)] M.: Kruglyi stol po religioznomu obrazovaniiu i diakonii.

Kushlik, E. (2013) *«Ia vsekh liubliu i o vsekh skorbliu»: Zhitie sviashchennomuchenika Petra (Zvereva), arkhiepiskopa Voronezhskogo. 1876–1929* ["I love all and mourn all": The life of the Holy Martyr Peter (Zverev), Archbishop of Voronezh. 1876–1929]. M.: Indrik.

Kuznetsov, A. I. (2002) *Obnovlencheskii raskol v Russkoi Tserkvi* [The Renovationist schism in the Russian Church]. M.: OLTSI; Krutitskoe Patriarshee podvor′e.

Lavrinov, V. (2016) *Obnovlencheskii raskol v portretakh ego deiatelei* [The Renovationist schism in the portraits of its actors]. M.: OLTSI.

Levitin, A., Shavrov, V. (1996) *Ocherki po istorii russkoi tserkovnoi smuty* [The essays on the history of Russian Church troubles]. M.: Krutitskoe Patriarshee podvor′e.

Lobanov, V.V. (2014) *Protokoly Komissii po provedeniiu otdeleniia tserkvi ot gosudarstva pri TSK RKP(b)–VKP(b) (Antireligioznoi komissii). 1922–1929 gg.* [The protocols of the Commission for the separation of Church and state under the Central Committee of the RCP(b)-VCP(b) (the Anti-religious Commission). 1922–1929]. M.: PSTGU.

Mazyrin, A. (2011) "«Trebovanie zapolneniia ankety seksota neobiazatel′no». Instruktsiia GPU Ukrainy po organizatsii grupp «Zhivoi Tserkvi»" ["The requirement of filling out the questionnaire for the informer is not necessary". Manual of the GPU of Ukraine on the organization of the "Living Church" groups], *Vestnik PSTGU* II 5(42): 111–123.

Mazyrin, A. (2016) "«Liniiu na sokrushenie vsei tserkovnoi chernoi sotni vedu besposhchadnuiu»: Doneseniia v GPU chlena obnovlencheskogo VTSU «protoiereia» Borisa Dikareva" ["I am ruthless in the destruction of the Church Black hundred": The reports to the GPU of member of the Renovationist VCU "archpriest" Boris Dikarev], *Vestnik PSTGU* II 6 (73): 109–138.

Novoselov, M.A. (1994) *Pis'ma k druz'iam* [Letters to friends] M.: PSTBI.

Pokrovskii, N.N., Petrov, S.G. (1997–1998) *Arkhivy Kremlia. Politbiuro i Tserkov': 1922–1925 gg.* [Archives of the Kremlin. Politburo and Church: 1922–1925]. 2 vol. Novosibirsk; M.: Sibirskii khronograf; ROSSPEN.

Pol′skii, M. (1931) *Polozhenie Tserkvi v sovetskoi Rossii: Ocherk bezhavshego iz Rossii sviashchennika* [The position of the Church in Soviet Russia: Essay of a priest who fled Russia]. Jerusalem.

Safonov, D. (2013) *Sviatitel' Tikhon, Patriarkh Moskovskii i vseia Rossii, i ego vremia* [Saint Tikhon, Patriarch of Moscow and all Russia, and his time]. M.: Pokrov.

Shishkin, A.A. (1970) *Sushchnost' i kriticheskaia otsenka «obnovlencheskogo» raskola Russkoi pravoslavnoi tserkvi* [The essence and critical assessment of the "Renovationist" schism in the Russian Orthodox Church]. Kazan′: Kazan′ university.

Sobranie opredelenii i postanovlenii Sviashchennogo Sobora Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi 1917–1918 gg. (1994) [The collection of rulings and resolutions of the Holy Council of the Orthodox Russian Church of 1917–1918]. M.: Novospasskii monastyr′.

Trigub, O. (2009) *Rozgrom Ukraïns'koï tserkovnoï opozitsiï v Rosiis'kii pravoslavnii tserkvi (1922–1939 rr.)* [The defeat of the Ukrainian Church opposition in the Russian Orthodox Church]. Nikolaev: Ilion.

Tsypin, V. (1997) *Istoriia Russkoi TSerkvi: 1917–1997* [The history of the Russian Church: 1917–1997]. Vol. 9. M.: Valaamskii monastyr′.

Vasil′eva, O.Iu., Kudriavtsev, I.I., Lykova, L.A. (2009) *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.: Sbornik dokumentov* [The Russian Orthodox Church during the Great Patriotic war of 1941–1945: Collection of documents]. M.: Krutitskoe podvor′e; OLTSI.

Vorob′ev, V. (2012) *Kifa — Patriarshii Mestobliustitel′ sviashchennomuchenik Petr, mitropolit Krutitskii (1862–1937)* [Cephas — the Locum Tenens, the Holy Martyr Peter, Metropolitan of Krutitsy (1862–1937)]. M.: PSTGU.

Vorob′ev, V.N., Miliakova, L.B. (2016) *Otdelenie Tserkvi ot gosudarstva i shkoly ot TSerkvi v Sovetskoi Rossii. Oktiabr′ 1917 — 1918 g.: Sbornik dokumentov* [Separation of Church from state and school from Church in Soviet Russia. October 1917 — 1918: Collection of documents]. M.: PSTGU.

Zegzhda, S. A. (2009) *Aleksandro-Nevskoe Bratstvo* [The Alexander Nevsky Brotherhood]. Novosti mira.

Zhuravskii, A.V. (2004) *Vo imia pravdy i dostoinstva TSerkvi: ZHizneopisanie i trudy sviashchennomuchenika Kirilla Kazanskogo v kontekste istoricheskikh sobytii i tserkovnykh razdelenii XX veka* [For the sake of truth and dignity of the Church: the biography and works of the Holy Martyr Kirill of Kazan in the context of historical events and Church divisions of the twentieth century]. M.: Sretenskii monastyr′.